

ИШТВАН ПОЖГАЙ
(Печ, Венгрия)

Zoltán András: Slavo-Hungarica. Tanulmányok a szláv–magyar nyelvi kapcsolatok köréből (Budapest: Magyar Nyelvtudományi Társaság, 2024. – 192 c.)

Книга выдающегося венгерского слависта Андраша Золтана представляет собой сборник избранных трудов, опубликованных на венгерском языке в 2004–2024 гг. Заглавие книги «Slavo-Hungarica» предопределяет общую тематику статей, а подзаголовок «Исследования из области славяно-венгерских языковых контактов» конкретизирует характер исследовательских работ.

Книга состоит из двух разделов. Первый раздел под названием «Славянское в венгерском» является более обширным и включает 18 статей. Второй раздел «Венгерское в славянском» содержит только три статьи. В конце книги приводится общая библиография, перечень включенных в книгу статей с указанием их выходных данных, регистр венгерских слов, встречающихся в материалах исследований, список авторов, чьи имена упоминаются в книге.

Первый раздел посвящен в целом анализу славянских заимствований в венгерском языке, но здесь нашли место и работы, в которых славянский языковой материал служит базой для установления источника заимствования из неславянских языков, например, из немецкого.

Во втором разделе содержатся исследования, рассматривающие венгерские заимствования в староукраинском и старобелорусском языках, а также московские отзывы XV в. на венгерскую легенду о Святом Владиславе (*Szent László*).

В обоих разделах статьи приводятся не в хронологической последовательности, а по тематике: в начале даются исследования с более обширной тематикой, за ними следуют статьи, посвященные детальному анализу отдельных вопросов.

Андраш Золтан как этимолог признаёт, что этимология как наука ограничена в своих возможностях и не всегда предлагает окончательные решения. Этимология занимается не тем, от какого этимона происходит конкретное слово, а тем, от какого этимона оно *может* происходить. Таким образом, автор книги не считает свои решения окончательными и не сомневается в том, что рассматриваемые проблемы, соблюдая критерии научности, можно решить и иначе.

Из работ первого раздела «Славянское в венгерском» будут представлены следующие четыре.

Szláv jövevényiszavaink néhány időrendi kérdése (Некоторые хронологические вопросы славянских заимствований в венгерском языке). Статью можно считать ключевой для понимания подхода Андраша Золтана к проблематике славянских заимствований в венгерском языке. В начале исследования автор отмечает, что на эту тему впервые обратили внимание именно славянские ученые, как например, Франц Миклошич. Далее он приводит мнения венгерских лингвистов, которые признавали наличие значительного количества славянских заимствований в венгерском языке, но при этом подчеркивали, что отдельные славянские языки оказали влияние на венгерский язык в той же мере, как и любой другой язык, с которым венгерский соприкасался в ходе своей истории. Согласно этому взгляду венгерский язык с самого начала имел контакты с отдельными славянскими языками.

Однако, в большинстве случаев невозможно точно установить, из какого славянского языка венгерский язык заимствовал то или иное слово. Причину этому автор видит не столько в несовершенстве примененных исследовательских методов, сколько в своеобразии славянского языкового материала. Известно, что славянские языки начали обособляться только в VII–VIII вв. н.э. во время славянской экспансии, и что этот процесс завершился лишь к XII веку в связи с падением редуцированных гласных. Помимо этого, славянские языки постоянно находились и находятся не только в соседстве друг с другом, но и в тесных языковых и культурных контактах. Распад праславянского языка не сразу привёл к формированию отдельных, в современном смысле, славянских языков. Крупные венгерские слависты, как Иштван Книежи и Лайош Киш, датировали распад праславянского языка V–VI веками н.э., таким образом, венгерский язык не мог вступить с ним в контакт. Полемизируя с этим взглядом, Андраш Золтан выдвигает новую гипотезу, согласно которой в древнейший период славяно-венгерских языковых контактов (IX–XI вв.) венгерский язык не мог соприкасаться с отдельными, в современном смысле, славянскими языками, так как их еще не было, он соприкасался с диалектами распадающегося праславянского языка. Следовательно, заимствованные до XII в. славянские слова нельзя возвести к отдельным славянским языкам в силу того, что последние находились только в состоянии формирования. Разумеется, праславянский язык в это время был разделен разными фонетическими изоглоссами, но они характеризовали не отдельные славянские языки, а их группы. Предположительно древние венгры входили в контакт и с носителями позднепраславянских диалектов, имеющих фонетические признаки, не характерные ни для одного современного славянского языка.

Автор соглашается с мнением, что значительная часть древнейших славянских заимствований проникла в венгерский язык на центральных территориях Карпатского бассейна, но критикует полную абсолютизацию этого способа заимствования. Венгры могли заимствовать слова не только у проживавших в Карпатском бассейне славян, но и у соседних славян. Языковую обстановку осложняло предположение о существовании в Карпатском бассейне двух разных позднепраславянских диалектов, выдвиннутое на основании развития праславянского сочетания **dl*. В одном диалекте оно сохранилось, а в другом упростилось в **l*. На месте **dl* в заимствованных словах в венгерском языке появилось удвоенное *ll*, ср., напр., **vidla* > *villa* ‘вилы’, а краткое **l* сохранилось, ср. **zobalo* > *zab(o)la* ‘удила’. Андраш Золтан подробно аргументирует свои выводы и иллюстрирует их множеством примеров.

Szláv–magyar nyelvi kölcsönhatás a honfoglalás előtt (Славяно-венгерское языковое взаимовлияние до обретения венграми родины). Автор знакомит читателей с тремя главными точками зрения на процесс заимствования венгерским языком большинства древних славянских слов. Представители первого подхода (Иштван Книежка, Лайош Киш и др.) – и вместе с тем главное направление в истории венгерского языка – придерживаются мнения, приведенного выше, согласно которому заимствование происходило из отдельных славянских языков после обретения венграми родины. Второй подход (например, Евгений Хелимский) основывается на том, что древнейший слой славянских заимствований в венгерском языке имеет субстратный характер, и что в Карпатском бассейне присутствовали не отдельные славянские языки, а позднепраславянские диалекты, из которых происходит древнейший слой славянских заимствований. Сторонники третьего взгляда считают, что древнейший слой славянских заимствований относится ко времени до обретения венграми родины. Этот подход подвергся критике со стороны ведущих славистов, однако, они не исключали, что единичные славянские заимствования (*lengyel* ‘поляк’ и ‘польский’, *szégye* ‘сежа, закол’, *tanya* ‘хутор’, *terem* ‘зал’) могут относиться к тому времени. Поразительно, что третья точка зрения о древнейшем слое славянских заимствований вызвала значительный отклик и дискуссии в работах зарубежных исследователей. Далее Андраш Золтан подвергает анализу историю появления и развития данной, не приемлемой для венгерских лингвистов гипотезы за рубежом, и детально доказывает ее непригодность. При аргументации автор приводит множество примеров. В связи с одним из них отметим, что на с. 22 вместо формы *vъгиćь* было бы лучше употребить форму ж. р. *vъrući*.

A magyar kereszteny terminológia bizánci rítusú szláv elemei (Славянские элементы византийского обряда в венгерской христианской терминологии). В христианизации Венгрии одновременно участвовали и византийские, и западные миссионеры. Славянские элементы византийского обряда в венгерской христианской терминологии могли быть заимствованы не только в результате славяно-венгерского билингвизма, существовавшего в течение первых двух столетий после обретения венграми родины, но и под влиянием византийских миссионеров, которые, по всей вероятности, пользовались услугами славянских переводчиков (монахов, священников). Андраш Золтан, в противоречии с мнением Евгения Хелимского, не признающего влияния византийского миссионерства, считает, что именно к их деятельности можно возвести ранние славянские элементы христианской терминологии балканского происхождения, как, напр.: *karácsony* ‘Рождество’, *pitvar* ‘притвор’, *hálát ad* ‘благодарить’. Далее автор предлагает развернутые этимологии вышеупомянутых лексических единиц, учитывая при этом как историко-культурные, так и этнографические факты.

A fog segédige szláv párhuzamai (Славянские параллели вспомогательного глагола *fog*). Славяно-венгерское взаимодействие проявляется, в первую очередь, в большом количестве славянских заимствований, численно превышающих заимствования из любого другого языка. В венгерском языке имеются также многочисленные кальки славянского происхождения, однако грамматическое влияние на венгерский язык значительно уступает лексическому. Примером грамматического влияния, как считает автор, является вспомогательный глагол *fog* для образования сложного будущего времени (напр. *tenni fog* ‘будет идти’). Как самостоятельный глагол он имеет значение ‘брать/взять’. Из современных славянских языков только в украинском встречается простое будущее время, окончания которого присоединяются непосредственно к инфинитиву (напр.: *ićimy*, *ićimeš*). В диахроническом плане эта форма была аналитической: инфинитив + спрягаемая форма служебного глагола *яти* (*йму*, *ймеш*, *ймет...*). В постпозитивном положении начальный *й* утратился, и вспомогательный глагол слился с инфинитивом. В качестве вспомогательного глагола он засвидетельствован на всей восточнославянской языковой территории уже с XIII в. Венгерский глагол *fog* в такой же функции впервые зафиксирован в XIV–XV вв. Андраш Золтан подтверждает предположение Аттилы Хегедюша о том, что венгерское сложное будущее время возникло во время самых интенсивных славяно-венгерских языковых контактов, в раннюю древневенгерскую эпоху, т.е. в X–XIII вв.

Среди остальных статей первого раздела можно выделить в основном две группы: 1) работы, занимающиеся подробной этимологией конкретных слов (не более трех слов в каждой статье) и 2) работы, интерпретирующие предложенные этимологии слов, или – реже – рассматривающие более обширную проблематику.

В статьях первой группы анализируются происхождения таких заимствований, как *király* ‘король’, *karéj* ‘краюха хлеба’, *denevér* ‘летучая мышь’, *bőregér* ‘летучая мышь’, *vámpír* ‘вампир’, *darázs* ‘оса’, *vizsga* ‘экзамен’, *kósza* ‘бродячий’, *pancser* (последнее слово не является славянским заимствованием, но имеется русская параллель) ‘неумеха’. В своих исследованиях Андраш Золтан приводит все существующие этимологии рассматриваемых слов, указывает на противоречия в этимологизации отдельных лексем. Он не только уточняет этимологии, но и обращает внимание читателей на наиболее верную, по его мнению, этимологию, напр., в случае слов *denevér*, *kósza*, *pancser*.

В исследованиях второй группы в основном предлагаются этимологии некоторых славянских заимствований в венгерском языке. Отчасти они рассматриваются через призму научной деятельности крупнейших венгерских славистов, таких, как Ласло Хадрович, Лайош Киш, или же составляют часть рецензий, служат доказательством изменения значений данных слов, напр. *parázna* ‘блудный’.

Второй раздел «Венгерское в славянском» включает три работы: «*Magyar szavak az ófehéroroszban* (Венгерские слова в старобелорусском языке)», «*Az ómagyar szerencs ‘útonálló’ nyoma a kárpátokban* (След древневенгерского слова *szerencs* ‘разбойник’ в карпатоукраинском языке)», «*Szent László és Batu kán* (Святой Владислав и хан Батый)».

Здесь представим только одно исследование. В статье «*Magyar szavak az ófehéroroszban*» анализируются венгерские заимствования XVI в. в старобелорусском языке. Эти заимствования преобладают в основном в военной лексике. Относительно венгерских заимствований обычно предполагается польское посредничество, но, по мнению автора, это не всегда доказуемо. Венгерско-старобелорусские языковые контакты были наиболее интенсивными во времена правления короля Стефана Батория (король польский и великий князь литовский в 1575-1586 гг.), но некоторые венгерские слова, как, напр. *гайдукъ*, *гусаръ*, *кордъ* ‘меч’, *шишакъ*, могли проникнуть в старобелорусский язык и раньше. По данным источников, в это время к перечисленным словам прибавились лексемы *капти* ‘домашняя обувь’, *палашъ*, *чеканъ* ‘боевой топор’, *чуга* ‘узкий каftан’.

Обнаружены также венгерские заимствования, зафиксированные после смерти Батория, но, с большей или меньшей долей вероятности, они могли появиться и во времена правления самого Батория. Особый интерес заслуживает, например, слово *бекешка*, возникшее из имени собствен-

ного, а именно из фамилии полководца короля Батория, Гашпара Бекеша, бывшего соперника по борьбе за княжеский престол в Трансильвании. Фамилия по-польски звучит *Bekiesz* [бекиеш], и к этому слову восходит название небольшой шубки, бекеша. Сначала слово появилось в польском языке, позднее из польского оно было заимствовано в старобелорусский, а также в литовский языки, хотя в литовском оно может быть непосредственно венгерским заимствованием. В венгерском языке польское *bekiesz(ka)* появилось в форме *bekecs*, *bekes*, оно засвидетельствовано с 1774 года. Отметим, что слова бекеша и бекешка имеются и в русском языке, в этимологическом словаре М. Фасмера приведена также форма *бекеш*.

Следующий слой венгерских заимствований засвидетельствован в XVII в., напр.: *контушъ* ‘куртка с разрезными рукавами’, *добошъ* ‘барабанчик в военном оркестре’, *кантаръ* ‘узда’, *таборъ*.

Для работ Андраша Золтана характерно четкое изложение мыслей, ясное построение статей, глубокое знание культурных и исторических условий, в которых проходили процессы заимствования. К результатам своих исследований автор относится со скромностью, неоднократно подчеркивая, что его этимологии не претендуют на полноту и окончательность выводов. Несомненно, собранные в книге исследования обогащают как лингвистические, так и историко-культурные знания читателей, поэтому рецензируемый сборник может оказаться полезным не только специалистам, но и тем, кто интересуется славяно-венгерскими языковыми контактами.